

Посидев некоторое время в задумчивости, он о чем-то вспомнил, нагнулся и открыл второй ящик у изголовья кровати. Достав хранящиеся там рецепт и притирания, Ань Чанцин смущенно помялся. Подумав о человеке, который к этому времени уже должен был прибыть в Яньчжоу, но от которого так и не пришло никаких вестей, он наконец неторопливо принялся шаг за шагом выполнять написанные на бумаге указания...

Примечание автора:

Трус: Интересно, бережет ли Но-но себя по рецепту?

Но-но: ...Нет! (в гневе)

Немного подправил(а), поэтому вышло поздно, у-у-у, я не нарочно QAQ!

Сегодня Но-но сам ухаживает за собой по рецепту~ Если Трус узнает, точно очень пожалеет!

Сяо Чжигэ мчался во весь опор и на шестой день непрерывной скачки днем и ночью наконец прибыл в Яньчжоу.

Заместитель командующего Ци Вэй отпер городские ворота, чтобы встретить его, и при виде князя тут же опустился на колени, вскинув руки в приветствии.

— Генерал, вы наконец прибыли! — с искренней радостью воскликнул он. — Северные варвары уже четыре или пять дней вызывают нас на бой под стенами, а мы изо всех сил сдерживаемся и не открываем ворота!

Пятидесятитысячная армия Бэйди уже несколько дней шумела перед воротами округа Яньюнь. Видя, что защитники ни в какую не выходят на бой, бэйдийцы даже вывели рабов из народа Е и зарезали их перед строем в жертву небесам. Все эти дни воинам Яньчжоу приходилось терпеть невыносимое унижение, но они свято помнили приказ и стойко держали ворота закрытыми.

— Что происходит за городом? — Сяо Чжигэ взмахнул рукой, давая знак восьмисот всадникам следовать за ним в город.

— Вражеским войском командует Рилуань-ван Хуань Атэ, у него пятьдесят тысяч отборных воинов, и они непрерывно вызывают нас на бой. Они дважды предпринимали штурм, но мы отбили обе атаки.

Сяо Чжигэ вместе с ним поднялся на городскую стену. В нескольких ли от города все поле действительно пестрело шатрами войска Бэйди.

— А где Хуань Чжи и Хуань Сюнь? — спросил Сяо Чжигэ.

У Бэйди было три великих воина: первый — Хуань Сюнь, второй — Хуань Атэ, и третий — Юэчжуань-ван Хуань Чжи. Все трое принадлежали к правившему роду Бэйди. Прежде, когда бэйдийцы сходились в бою с Сяо Чжигэ, главнокомандующим всегда выступал Хуань Сюнь, а помощником у него был либо Хуань Атэ, либо Хуань Чжи. То, что сегодня против них отправили одного лишь Хуань Атэ, выглядело дерзкой недооценкой противника — даже с учетом того, что самого Сяо Чжигэ не было в Яньчжоу.

Судя по тому, насколько хорошо Сяо Чжигэ знал Хуянь Сюня, тот вовсе не был человеком, способным на опрометчивую легкую беспечность.

— Согласно донесениям разведчиков, Хуянь Сюнь и Хуянь Чжи находятся в царском дворе Бэйди, — сообщил Ци Вэй.

— Не так, — Сяо Чжигэ прищурился, всматриваясь в далекий лагерь Бэйди. — Выставить пятьдесят тысяч отборных воинов, воспользоваться моим отсутствием для нападения на округ Яньюнь и при этом назначить главным лишь одного Хуянь Атэ...

— У Хуянь Сюня наверняка есть иной замысел. — Сяо Чжигэ стремительно сопоставлял факты. — Зимой провианта не хватает... Стянуть пятьдесят тысяч войск и не спешить... Они отвлекают наше внимание, отвлекая нас от главного удара!

Голос Сяо Чжигэ потемнел, и он поспешно спустился со стены:

— Несите карту дислокации войск!

Ци Вэй немедленно приказал принести карту и созвал всех военачальников. Сяо Чжигэ долго стоял перед картой в глубоком раздумье, а затем указал пальцем на один из участков:

— В округе Хунья сейчас меньше всего войск. Да и местность там не столь неприступна, как в округе Чанжи. Силами армии его вполне можно взять. Будь я Хуянь Сюнем, я бы обрушился на округ Хунья.

В Яньчжоу входили три округа. Округ Яньюнь был самым крупным; он граничил с Бэймо и всегда находился на переднем крае борьбы против Бэйди. Округ Хунья и округ Чанжи располагались по бокам. Из-за горного рельефа и малочисленности населения их было легко оборонять и трудно атаковать, поэтому и войск там размещалось немного. Однако если совершить внезапный маневр и прорваться через округ Хунья, враг выйдет прямо в тыл округа Яньюнь. И тогда, ударив одновременно спереди и сзади, они неизбежно сокрушат Яньчжоу!

Лицо Сяо Чжигэ стало предельно суровым:

— Ци Вэй, веди войска из города на бой! Твоя задача — любой ценой сковать силы Хуянь Атэ и не позволить ему прийти на помощь в Хунья! Отобрать пять тысяч воинов в железной броне — они пойдут со мной в Хунья!

Авторитет Сяо Чжигэ в Яньчжоу был непререкаем. Военачальники давно питали к нему безграничное доверие, поэтому принятое им решение не вызвало никаких возражений. Все разошлись готовить войска к бою. Сяо Чжигэ быстро облачился в доспехи. Взглянув на опустевший узел от походных вещей, он невольно смягчился взглядом.

Прежде, во время бешеной скачки день и ночь, у него не было ни единой свободной минуты, чтобы предаться воспоминаниям о доме. Лишь в редкие мгновения отдыха, за сухим пайком и глотком вина, тоска по любимому тихо подступала к сердцу. Сложив отрезок ткани от узелка вместе со снятой одеждой, Сяо Чжигэ достал бережно хранимый нефритовый кулон «Двойная рыба», посмотрел на него, а затем снова аккуратно спрятал у самого сердца и вышел наружу.

На городской стене взвились боевые стяги, и флаг с иероглифом «Чжи» затрепетал на ветру.

Заместитель командующего Ци Вэй высоко поднял копьё и громогласно отдал приказ:

— Открыть ворота! Принять бой!

А позади них Сяо Чжигэ во главе пяти тысяч бронированных всадников бесшумно устремился в сторону Хунья, чтобы перехватить Хуянь Сюня.

Двадцатого числа третьего месяца из Яньчжоу пришла радостная весть.

Бэйчжань-ван Сяо Чжигэ разгадал замысел Бэйди и во главе пяти тысяч воинов в железной броне отправился наперерез Хуянь Сюню. Схватившись с врагом у хребта Чиму в округе Хунья, после десяти дней кровопролитных боев в горах Бэйчжань-ван одержал победу над превосходящими силами противника. Он отрубил Хуянь Сюню руку и уничтожил три тысячи воинов Бэйди.

Одновременно с этим пятидесятитысячная армия Бэйди потерпела поражение и отступила от округа Яньюнь.

Император Аньцин, получив победный донос, пришел в несказанный восторг и небывалым образом пожаловал Ань Чанцину щедрые награды.

Ань Чанцин принял их с подобающим достоинством, после чего продолжил вести уединенную жизнь и не принимать гостей. Однако даже так он почувствовал, как изменился ветер при дворе. Не прошло и двух дней после монарших пожалований, как жены и родня четырех или пяти высших сановников уже прислали в поместье князя пригласительные карточки на пиры.

Ань Чанцин отклонил их все под предлогом недомогания, так и не посетив ни одного дома.

Какими бы помыслами ни руководствовался император Аньцин, раздавая награды, он бы ни за что не пожелал видеть, чтобы Ань Чанцин открыто посещал пиры и заводил тесные связи с чиновниками.

Поэтому Ань Чанцин смирно оставался в поместье и на любые приглашения отвечал отказом, ссылаясь на болезнь. Сидя во дворе, он поглаживал пальцами письмо из дома, пришедшее вместе с донесением с фронта, а его изящные темные брови сошлись к переносице.

Домашнее письмо состояло всего из нескольких слов: «Все хорошо, не волнуйся».

Этот человек всегда отличался молчаливостью, и из него и в письмах не вытянешь больше пары фраз. Ань Чанцин смотрел на строчки, испытывая одновременно досаду и радость: досаду — из-за того, что тот не догадался написать побольше, а радость — оттого, что у него все благополучно. Однако вслед за этим он вспомнил свою прошлую жизнь, и сердце его снова сжала тревога.

В прошлой жизни Сяо Чжигэ, разумеется, не присылал весточек домой, но из обрывков разговоров слуг Ань Чанцин знал, что та победа далась совсем нелегко. А сейчас не прошло и месяца с отъезда Сяо Чжигэ, как пришла радостная весть — всё прошло настолько гладко, что это лишь добавляло ему беспокойства.

Округ Яньюнь.

— Изловили его? — Сяо Чжигэ зубами разорвал бинт, заново нанося лекарство и перевязывая сочащуюся кровью рану.

В битве у хребта Чиму он отрубил руку Хуянь Сюню, но и сам не избежал ранения: враг успел полоснуть его клинком по левому плечу, и хотя Сяо Чжигэ уклонился от прямого удара, лезвие все же задело плоть.

— Уж поймали и доставили, генерал. Как прикажете поступить?

Ци Вэй выглядел обеспокоенным:

— Он — инспектирующий императорский цензор Ши Цзиньчжун, посланный Его Величеством, к тому же человек наследного принца. Боюсь...

Сяо Чжигэ с силой затянул узел на бинте и кровожадно ухмыльнулся:

— Генерал в полевых условиях приказами из столицы не связан. К тому же поджог провианта приравнивается к измене родине. Срубить ему голову и отправить срочной почтой в Ецзин!

— Всех остальных соучастников обезглавить, а их тела вывесить в городе в назидание другим!

— Есть! — принял приказ Ци Вэй.

— Что с провиантом? — снова спросил Сяо Чжигэ.

— Возгорание заметили вовремя, огонь потушили, так что запасы почти не пострадали. Однако... — Ци Вэй помрачнел. — Когда мы начали подсчитывать провиант, то обнаружили, что в новой партии зерна лишь верхний слой чистый, а под ним все смешано с песком и камнями. Я уже велел просеять его: пригодного зерна осталось меньше половины. Если не будет боев, продержимся максимум полмесяца.

В этот момент снаружи раздался боевой горн, и солдат громко доложил:

— Докладываю! Разведчики засекли, что Хуянь Сюнь и Хуянь Атэ ведут огромное войско к округу Яньюнь!

— Готовиться к бою! — Сяо Чжигэ резко поднялся, невзирая на разошедшийся шов раны, и накинул доспехи. Не оборачиваясь, он бросил Ци Вэю: — К донесению в Ецзин добавь еще одно требование: срочно прислать провиант! И еще отправь людей в Лянчжоу и Чэньчжоу — узнай, не смогут ли они одолжить излишков зерна...

Двадцать восьмого числа третьего месяца из Яньчжоу снова пришло срочное донесение. Вместе с донесением доставили и отрубленную голову инспектирующего императорского цензора Ши Цзиньчжуна.